

Глава 9

Разве у всех нас не бывают такие моменты?

Например, забыть зонтик в пасмурный день, перепутать снотворное с витаминами, отметить неправильный ответ на экзамене или увидеть в реальной жизни то, о чем только что прочитал в книге.

Феромоны омеги в воздухе были настолько сильны, что Цзи Цинъюй почувствовал волну дискомфорта. Он появился поздно и был менее подвержен воздействию феромонов, в отличие от таких топ-альфа, как Фу Хань, которые были к ним очень чувствительны.

Цзи Цинъюй наблюдал, как Фу Хань прикрывал голову, пытаясь дистанцироваться от омеги, но она безжалостно цеплялась за него. Фу Хань изо всех сил пытался оттащить ее, его глаза покраснели от напряжения.

Тогда Цзи Цинъюй бросился к ним и оттолкнул омегу. Девушка билась как сумасшедшая.

Цзи Цинъюй едва смог ее удержать; она нанесла ему несколько кровавых царапин на руке. Что еще хуже, подавляющие феромоны, исходящие от Фу Ханя, мешали Цзи Цинъюю удержать ее.

Стиснув зубы, он ударил девушку по затылку, и она упала без сознания в его объятия.

Цзи Цинъюй был весь в поту, его руки болели и опухли от царапин, он тяжело дышал после борьбы.

Не успел он отдышаться, как теплый поток воздуха коснулся его шеи. Разум Цзи Цинъюя все еще был затуманен; его вялые, одураченные чувства обманули его, и он не успел вовремя среагировать. Рука схватила его за шею и дернула назад.

Острая, пронзительная боль пронзила его шею.

Мутная жара, смешанная с сырым, незнакомым желанием, охватила Цзи Цинъюя, увлекая его вниз, как приливная волна.

Клыки пронзили его кожу. Все тело Цзи Цинъюя онемело. Он изо всех сил пытался оттолкнуть руку Фу Ханя, но не мог вырваться.

Альфа-самцы в период гона были все как сумасшедшие, движимые только желанием ввести больше своих феромонов в железу омеги, яростно жаждущие завоевать больше территории. А под естественным гнетом пола омеги всегда казались такими беспомощными.

Процесс введения феромонов казался длительной, унижительной пыткой. Тело Цзи Цинъюя болело невыносимо; из его горла вырывались небольшие вздохи, зрение помутилось, но у него не было сил вырваться.

«Отпусти, Фу Хань, ты с ума сошел? Ты... отпусти... отпусти меня!» Он отчаянно сопротивлялся, но это было бесполезно.

Фу Хань остановился, почувствовав сопротивление Цзи Цинъюя, и стал еще более возбужденным. Он усилил укус, а рука, прижатая к животу Цзи Цинъюя, словно обжигала его.

Это длилось достаточно долго, чтобы слезы промочили руку Фу Ханя, все еще сжимавшую шею Цзи Цинъюя.

Когда Фу Хань наконец отпустил его, ноги Цзи Цинъюя подкосились, и он упал на колени.

Его колени пульсировали, каждый сантиметр его тела покалывал от онемения и зуда. Даже его голос дрожал, когда он дышал. Цзи Цинъюй устался в землю, пот и слезы смешались вместе.

Затылок горел, как в огне. Цзи Цинъюй покрылся холодным потом, и липкое ощущение доставляло ему крайнее неудобство.

Не успел он убежать, как Фу Хань резко поднял его и прижал к своей груди, как будто он был гигантской куклой. От силы удара Цзи Цинъюй пришел в себя. Он сквозь слезы умолял Фу Ханя отпустить его.

Фу Хань на мгновение убрал клыки и, как животное, лизнул рану Цзи Цинъюя, словно утешая его, и хриплым голосом пробормотал: «Все в порядке, это не очень больно».

Но в следующую секунду он снова безжалостно укусил его.

«Ах!» Цзи Цинъюй был полностью обессилен. Он скрутился, сдавшись своей судьбе, задыхаясь. Его тело периодически дрожало, слезы текли произвольно.

После того, что показалось вечностью, Фу Хань постепенно протрезвел от тумана, вызванного феромонами.

Цзи Цинъюй смотрел на него красными глазами.

Фу Хань отвернулся, облизывая зубы, как будто только что осознав, что он наделал.

Он попытался посмотреть на затылок Цзи Цинъюя, но, не успев разглядеть, получил пощечину

от Цзи Цинъюя. Пощечина была легкой, как царапина кошки. Фу Хань поднял бровь, не отрывая от него взгляда.

«Фу Хань, они не ошибались насчет тебя. Ты ублюдок». Слезы Цзи Цинъюя капали прямо вниз, а по его телу распространилась горькая боль. «Временный след исчезнет через три месяца. Летние каникулы уже почти наступили, а я все еще должен работать. Ты укусил меня... Что мне теперь делать? Как я смогу смотреть в глаза людям?»

Фу Хань прикоснулся к щеке, вытирая кровь, сочащуюся из губы. Он смотрел на него, молча стоя на месте.

Цзи Цинъюй вытер слезы, ноги его дрожали, когда он поднял девушку рядом с собой, пытаясь отнести ее в медпункт. Но не успел он сделать и двух шагов, как вес внезапно облегчился — Фу Хань взял девушку. «Я сам разберусь».

«Тебе тоже нужно проверить шею», — спокойно сказал Фу Хань. «Я позвоню своему личному врачу. Подожди здесь, не ходи в медпункт. Возможно, в том, что произошло сегодня, есть что-то неладное».

Глаза Цзи Цинъюя были все еще красными, волосы падали ему на лицо. Его волосы были ни короткими, ни длинными, а глаза наполнялись слезами. Он пробормотал: «Не твое дело» и убежал, быстрее кролика, подняв небольшой порыв ветра.

«Эй!» — позвал его Фу Хань, но Цзи Цинъюй не обернулся. Склонив голову, он поспешил через длинное школьное здание, вбежал в медпункт, чтобы взять два пластыря, и ушел, не сказав ни слова.

Цзи Цинъюй даже не пришел на дневные спортивные соревнования. Он наклеил пластырь на шею, вернулся в класс, чтобы взять рюкзак, и прогулял школу, чтобы пойти домой.

По дороге домой соседи поздоровались с ним, но он их проигнорировал. Его дом находился в самом конце старой улицы, по обе стороны которой были узкие стены, покрытые зеленью. Он был недалеко от рынка, и слышались крики продавцов, рекламирующих свой товар.

Когда он вошел в подъезд, он напугал оранжевого кота, живущего в этом доме. Котенок дважды мяукнул и прыгнул на серую бетонную стену, убегая.

Снаружи жилой дом был старым, но внутри было чисто и аккуратно. На кофейном столике в стеклянной вазе стояли свежие цветы, а на кухонном столе лежала миска с еще не поднявшимся тестом. Цзи Цинъюй все это игнорировал, бросился прямо в свою спальню и зарылся головой в подушку.

Только тогда он почувствовал, как его охватила грусть.

Сенсорные стимулы охватили его, как прилив. Он достал рюкзак, вытащил книгу для взрослых и бросил ее под кровать. Все эти разговоры о том, что омеги получают удовольствие, были ложью — он мучился.

Фу Хань что, наполовину собака или что-то в этом роде...

Линь Ин вернулась после закрытия своего ларька днем и была удивлена, увидев Цзи Цинъюя.
«Почему ты так рано вернулся?»

«Нету занятий», — пробормотал Цзи Цинъюй, его голос все еще был отчужденным. Полчаса назад он осмотрел свою шею в зеркале — красный след на спине был ярким и пугающим.

Он не хотел больше на него смотреть. Наложив водонепроницаемую повязку, он быстро принял душ, а затем достал единственный флакон духов Линь Ин и обильно обрызгал себя ими.

В доме Цзи Цинъюя был полуоткрытый балкон, достаточно просторный, чтобы он мог сидеть на улице в белой майке и шортах и репетировать песни с гитарой.

Он был апатичен. Рыжий кот устроился среди множества горшков с растениями на полке балкона и ласково терся о Цзи Цинъюя.

Линь Ин принесла две рыбы, ударила их по разделочной доске, чтобы они потеряли сознание, удалила кости, измельчила мясо в пасту, затем вымыла руки, взяла фрукт и включила телевизор.

«Цинъюй, я позже приготовлю суп с рыбными фрикадельками. Еще брат Ма спросил, не хочешь ли ты пойти с ним на сбор фруктов, когда начнутся летние каникулы». Линь Ин смотрела сериал в прайм-тайм. «Почему ты такой подавленный?»

«Ничего». Цзи Цинъюй бренчал случайные аккорды, волосы слегка закрывали его лицо. Возможно, пыль раздражала его глаза — он неловко моргнул. «Я ненавижу альф».

Линь Ин доела персик, посмотрела на занятого Цзи Цинъюя на кухне, а затем снова повернулась к телевизору. «Дети растут и скрывают секреты от мамы. Ты в кого-то влюбился? Этот парфюм слишком сильный. Я бета среднего возраста — я не чувствую феромоны. Почему ты так много набрызгал?»

На следующий день Цзи Цинъюй пошел в концертный зал с темными кругами под глазами. На шее у него был шелковый шарф, который выглядел неуместно в летнюю жару.

Владелец бара нахмурился. «Сяо Юй, что это за запах? С каких пор ты пользуешься духами?»

«Э-э... просто хотел попробовать», — сказал Цзи Цинъюй, настраивая гитару и кусая дольку лимона, чтобы оставаться бодрым. Он наклонил голову, зажав гитару между плечом и головой, и быстро что-то начертил ручкой.

В сонном сумерках в углу бара сидела фигура — с четко очерченным лицом, которое ярко выделялось в тусклом свете. Человек встал и пошел к нему.

Цзи Цинъюй поднял глаза и увидел Фу Ханя, стоящего с скрещенными на груди руками и с высокомерным выражением лица, который смотрел на блокнот Цзи Цинъюя. «Ты можешь писать песни о таких вещах?»

«Ты... что ты здесь делаешь?» Цзи Цинъюй был озадачен. «Откуда ты узнал, что я здесь?»

Фу Хань проигнорировал вопрос и вместо этого протянул ему тонкую черную карточку. Его тон был резким. «Возьми. Ты от этого ничего не теряешь».

«Ах...» Цзи Цинъюй покачал головой. «Забери ее обратно. Мне это не нужно».

«...Здесь достаточно денег, чтобы покрыть твои расходы. Тебе больше не нужно будет подрабатывать», — сказал Фу Хань с выражением лица, полным равнодушия и безразличия, затем нахмурился и спросил: «Что это за запах от тебя?»

Цзи Цинъюй, как загнанный в угол кролик, отложил гитару и бросил тетрадь. Не обращая внимания на то, кто стоял перед ним, он яростно прорычал: «Фу Хань, не думай, что деньги могут купить все. Я буду зарабатывать деньги своими руками. Мне не нужна твоя благотворительность! Ты думаешь, я такой же, как другие омеги, которых можно просто купить? Вы все просто кучка подонков, которые относятся к омегам как к быстроразрушающимся потребительским товарам!»

Так он тоже мог быть таким устрашающим. Вспомнил Цзи Цинъюй. Какое выражение было у Фу Ханя в тот момент? Удивление, замешательство, обиженный гнев? Или, может быть, то же самое бесстрастное лицо? Он уже не мог вспомнить точно.

В его памяти было много неясных моментов. Повторяющиеся мучения течки в течение последних шести лет ударили по нему сильнее, чем он мог себе представить. Ни его тело, ни его разум никогда не смогут вернуться к тому, чем они были в восемнадцать лет.

Он на мгновение отключился, затем заставил себя встать, натянул одежду и поспешил в больницу.

Он не имел понятия, как Фу Хань планировал решить вопрос с авторскими правами, но гораздо больше его беспокоило состояние Линь Ин. Увидев Цзи Цинъюя, врач поднял руку, чтобы поприветствовать его.

«Как вы могли просто ввести ей что-то без разрешения?» — спросил Цзи Цинъюй, охваченный яростью. «То, что вы сделали, незаконно».

«Господин Цзи, это был просто физиологический раствор», — объяснил врач. «Вы возразили против инъекции сегодня, и мы сразу же прекратили. Это должна была быть стандартная инъекция».

«А то, что вы все собрались вокруг нее, — это тоже было частью стандартной процедуры?» — настаивал Цзи Цинъюй.

«Сегодня была консультация нескольких врачей. Состояние госпожи Линь Ин улучшилось. Вам должны были об этом сообщить, верно?» — ответил врач. «Опухоль в ее мозге давила прямо на нерв, но теперь она сменила положение. Если все будет продолжаться так же, есть большая вероятность, что мы сможем удалить ее хирургическим путем».

«Вы... вы серьезно?» В сердце Цзи Цинъюй вновь зажглась давно угасшая искра. Он схватил врача за воротник, дрожа от эмоций. «Это правда?»

«Да, это правда. Пожалуйста, успокойтесь». Врач мягко оттолкнул Цзи Цинъюй. Он не мог не пожалеть молодого человека — больная мать, омега, борющийся в одиночку... Сколько может вынести один человек?

«Цзи Жань приходил сегодня по этому поводу. Вам не нужно беспокоиться. По крайней мере, у вас есть поддержка брата — а он большая звезда. Деньги не будут проблемой». Но когда доктор закончил утешать его, лицо Цзи Цинъюй стало еще бледнее. «Сегодня он ушел в спешке, как будто у него было что-то срочное. Может быть, вам стоит попробовать связаться с ним».

Цзи Цинъюй отошел в тихий уголок, чтобы позвонить. Коридор был пуст и тихий. Телефон прозвонил два раза, прежде чем его сняли.

Голос Цзи Жаня был спокоен, как всегда. «Фу Хань пришел ко мне. Он хочет забрать твои песни. Ты пробыл с ним всего несколько дней, и все же — я должен признать, что недооценил тебя».

Голос Цзи Цинъюй задрожал. «Он привел врача, чтобы осмотреть мое горло. Ты же знаешь, что такое невозможно скрыть».

Он ожидал, что Цзи Жань взорвется от гнева, но реакция брата была обманчиво мягкой. «Это еще не конец. Ты знаешь, что можно говорить, а что нельзя».

«Твоя мать скоро пойдет на операцию. В такой критический момент может случиться что угодно». С той стороны, где находился Цзи Жань, открылась дверь, и раздался мужской голос.

Цзи Жань смягчил тон и кратко ответил собеседнику: «Хватит. Я могу договориться с ним, но чем сложнее переговоры, тем более неопределенным становится положение твоей матери».

«Я... я не позволю ему узнать. Я не осмелюсь». Цзи Цинъюй снова замолчал. Он никогда не осмеливался — на кону стояло слишком многое. Но именно эта уязвимость давала ему надежду.

Он слегка опустил голову, выглядя худым и одиноким, как тень, оторванная от мира, прислонившись к яркой белой стене больницы. Мелкие капли пота покрывали его виски.

Рана на затылке, казалось, никогда не заживала. Хотя на ней образовалась корка, оставалась тупая, постоянная боль.

Для вас старалась команда Webnovels

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/15790/1413144>